

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-3-19

З.А. Исмаилова

«МИЛОСТНИКИ» ДРЕВНЕЙ РУСИ

Z.A. Ismailova

ANCIENT RUS' *MILOSTNIKS*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о категории «милостников», неоднократно затрагивавшийся в отечественной исторической науке. Еще в XIX в. историки-исследователи обратили внимание на упоминания в древних русских летописях княжеских «милостников» и выдвинули предположения об их социальном статусе и отношении к правителю (князю). Но только в XX в. появились специальные исторические исследования, посвященные древнерусским княжеским «милостникам». Эти исследования базировались на марксистской методологии, в которой первостепенное значение уделялось социально-экономическим и классовым отношениям и недостаточно учитывались отношения, специфические для древних и средневековых обществ: отношения патронажа, свойства, кровнородственные, лично-служебные и др. Княжеских «милостников» рассматривали в советской исторической науке как предшественников более поздних дворян, младших слуг князя, «министералов». В данном исследовании учитываются достижения отечественных историков — дореволюционных, советских, современных, а также зарубежных этнологов и антропологов. Привлекая широкий круг исторических источников, русские и литовские летописи, автор анализирует все имеющиеся летописные известия о «милостниках» и приходит к выводам, которые позволяют значительно скорректировать утвердившиеся ранее представления. «Милостники», по мнению автора статьи, это зависимая категория населения Древней Руси, в силу различных жизненных обстоятельств оторванная от своего рода, а потому нуждавшаяся в защите и покровительстве правителя — князя. «Милостники» могли быть связаны с князем узами свойства, но это не меняло их зависимого положения, а только обязывало князя взять их под защиту. Отношения между князем и «милостниками» можно охарактеризовать как отношения патрона и клиентов. То были отношения лично-служебные, отличавшиеся от тех, которые установились позднее, в XII в., между князем и дворянами, — служебно-деловых. Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что «милостники» — это не предшественники дворян,

Исмаилова Зулейха Адил-кызы, аспирант кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

Ismailova Zuleyha Adil-kyzy, Postgraduate Student, Department of National History, Faculty of History and International Relations, I.G. Petrovsky Bryansk State University
+7-953-299-44-97; pokrovskaya-lada@bk.ru

а социальная категория своего времени, уходящая корнями в древний родовой строй общества.

Ключевые слова: князь в Древней Руси, дворяне, дворцовая служба, княжеская дружина, летопись, «Русская Правда», патрон, клиенты, свойственники, Андрей Боголюбский, Кучковичи

Abstract. The article explores the category of *milostnik* (beneficiary). This issue has been repeatedly raised in the national historical writing. Back in the 19th century historians noticed that the ancient Russian chronicles mentioned prince's *milostniks*, and put forward assumptions about their social status and connection with the ruler (prince). However, it was only in the 20th century when special scholarly studies on the ancient Russian prince's *milostniks* appeared. These studies were based on Marxist methodology, which gave priority to socio-economic and class relations, without paying sufficient attention to relations specific to ancient and medieval societies, such as ties of patronage, affinity, kinship, personal service, etc. The prince's *milostniks* were considered in Soviet historical science as the predecessors of later nobles, junior servants of the prince, ministerials. The present study integrates the accomplishments of national historians (pre-revolutionary, Soviet, modern), as well as foreign ethnologists and anthropologists. Drawing on a number of historical sources, Russian and Lithuanian chronicles, the author analyzes all the available chronicle reports about the *milostniks* and comes to conclusions that allow us to significantly revise the previously established concepts. According to the author of the article, *milostniks* are a dependent category of the people of Ancient Rus', who were cut off from their kin due to various life circumstances, and therefore found themselves in need of protection and patronage of the ruler, the prince. The *milostniks* could be connected with the prince by bonds of affinity. This did not change their dependent position, but only obliged the prince to take them under his protection. The relationship between the prince and the *milostniks* can be described as that of a patron and clients. Those were relations of personal service, different from those that were established later, in the 12th century, between the prince and the nobles, i.e. service based on the land tenure. Thus, the research which has been conducted in this paper allows us to conclude that the *milostniks* were not the predecessors of the nobles, but a social category of their time, rooted in the ancient tribal structure of society.

Keywords: prince in Ancient Rus', nobles, palace service, princely squad, chronicle, *Russkaya Pravda*, patron, clients, relatives by affinity, Andrei Bogolyubsky, Kuchkoviches.

* * *

В древних русских летописях (Новгородской первой, Ипатьевской и летописце Переяславля Суздальского), а также в Софийской первой летописи, Московском летописном своде конца XV в., Ермолинской, Никаноровской и литовских летописях Рачинского и Красинского встречаются упоминания о «*милостниках*» — всегда в связи с личностью какого-либо князя. Современный исследователь А.А. Горский насчитал четыре таких упоминания: одно под 1136 г.,

два — под 1175 г. и еще одно — под 1180 г.¹. К этим четырем упоминаниям можно добавить еще четыре: одно — под 970 г.², два — под 980 г.³, и еще одно — под 1293 г.⁴. Таким образом, всего можно насчитать восемь упоминаний «милостников»: три из них относятся к X в., четыре — к XII в., и еще одно — к XIII в.

Кто же такие «милостники»? В литературе имеются две точки зрения на смысл этого термина.

Н.М. Карамзин заметил упоминания о них в летописях и считал их «любимцами княжескими»⁵. С.М. Соловьев перенял точку зрения Карамзина и писал о Кочкаре, милостнике киевского князя Святослава Всеволодовича (1177–1180 гг.), что это боярин, «любимец» князя⁶. В XX в. Б.А. Романов назвал Кочкаря *фаворитом* князя Святослава⁷. А.А. Горский также считает, что милостниками «именовались в XII в. княжеские любимцы, статус которых на социальной лестнице мог быть различен»⁸.

Итак, первым по времени толкованием термина «милостник», идущим из XIX в., является такое понимание, которое указывает на особые отношения правителя и подчиненного ему лица.

Однако данное толкование не вносит ясности в разбираемый вопрос, так как непонятно, какие именно отношения связывали князя и его милостников — только ли отношения личной симпатии, или же служебные, или же те и другие вместе.

В середине XX в. в научной литературе появилось первое специальное исследование, посвященное «милостникам». Оно принадлежит М.Н. Тихомирову. В статье 1952 г. он отметил, что милостники — «это предшественники позднейших дворян. Они составляли один из разрядов княжеских слуг. Наши источники характеризуют их в тот момент, когда дворцовая служба уже принимала новый характер обеспечения. Место “придатка” — милостных коней и милостного

¹ Горский А.А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. М., 2019. С. 216.

² Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 45; ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяслава Суздальского. М., 1995. С. 20.

³ ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяслава Суздальского. С. 21; Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004. С. 12.

⁴ ПСРЛ. Т. 35. Летописи Белорусско-Литовские. М., 1980. С. 151.

⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. первая. Т. I–IV. М., 1988. Примеч. 21 к т. III, главе I. Стлб. 12.

⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. С. 609.

⁷ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л., 1947. С. 165.

⁸ Горский А.А. Указ. соч. С. 216.

оружия всё более и более занимает новая форма держания — земельное пожалование, позднейшая московская “дача”⁹. В обоснование этого исследователь указал на статью 105 «Русской Правды», в которой встречается термин «милость». Далее он сравнил этот термин с точно таким же термином из сербского языка. «В Законнике Стефана Душана, — писал М.Н. Тихомиров, — “милостью” называется участок земли, пожалование от царя»¹⁰. Исходя из этого, исследователь сделал вывод, что «милость» «Русской Правды» — это и есть условное земельное держание, а милостники — княжеские слуги, получавшие это держание¹¹.

Точку зрения М.Н. Тихомирова разделял И.Я. Фроянов, считавший, что милостники — это «категория княжеских слуг в древнерусских землях в XII–XIII вв. Название происходит от слова “милость”, обозначавшего условное земельное держание. Милостники были предшественниками позднейших дворян»¹². Похожего взгляда придерживался и П.С. Стефанович, который считал убийц князя Андрея Боголюбского, его «милостников», младшими дружинниками, «министерялами»¹³.

Посмотрим на значение термина «милость» в статье 105 «Русской Правды», на которую ссылался М.Н. Тихомиров. Статья гласит: «А въдачь не холопь, ни по хлебе роботять, ни по придатьце; но оже не доходить года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виновать есть»¹⁴. В Пушкинском списке «Правды» слова «ему милость» заменены словом «емлеть»¹⁵, из чего следует, что «милость» — это какое-то движимое имущество, денежное или натуральное. Выходит, что «милость» — это не условное земельное держание, «Русская Правда» не дает оснований считать ее таковым.

Слабость аргументации М.Н. Тихомирова заключается не только в этом. Ссылаясь на «Законник» сербского деспота Стефана Душана, в котором встречается термин «милость», М.Н. Тихомиров сам отметил, что этот источник относится к XIV в.¹⁶, а именно — ко времени

⁹ Тихомиров М.Н. Условное феодальное держание на Руси в XII в. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 238.

¹⁰ Там же. С. 237.

¹¹ Там же. С. 236–237.

¹² Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2014. С. 686.

¹³ Стефанович П.С. Об убийцах Андрея Боголюбского в свете новых данных // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сб. мат. X Междунар. науч. конф. (9–13 сентября 2019 г., Москва). М., 2019. С. 190.

¹⁴ Русская Правда по Троицкому списку // Памятники истории Киевского государства IX–XIII вв. Сб. документов подг. к печати Г.Е. Кочиным. Л., 1936. С. 128.

¹⁵ Там же. С. 128.

¹⁶ Тихомиров М.Н. Указ. соч. 237.

правления Душана: 1331–1355 гг. «Милость» же «Русской Правды» относится к XII в., времени появления «Пространной Правды»; упоминания о милостниках в русских и литовских летописях — к X, XII и XIII вв. Нельзя сравнивать созвучные термины из разных эпох, отделенных более чем столетием, и из разных государств и утверждать, что они тождественны. В данном случае это тождество не подтверждается источниками. Тем более что в XIV в. на Руси, как будет показано ниже, также появилось условное землевладение. Первое упоминание о нем относится к 1339 г., что совпадает с хронологией его появления в Сербии. Но на Руси оно *никогда* не обозначалось термином «милость».

Отметим также, что слово «милость» имело на Руси разные значения. В 1141 г. новгородский посадник Якун и его брат Прокопий бежали из Новгорода. Князь Юрий Долгорукий решил их защитить и привел вместе с женами в Суздаль, где держал у себя «в милости»¹⁷. Здесь «милость» выражает отношение князя к своим людям. В 1159 г. «иде Рогъволодь Борисовичъ отъ Святослава отъ Олговича искать собе волости... зане не створиша милости ему братья его, вземше подъ нимъ волость его и жизнь его всю»¹⁸. Здесь также видим, что «милость» — это отношение князей к своему родичу, выраженное в поступках. В 1326 г. митрополит Петр «позна свое из мира исхождение» и, не имея возможности видеть самого князя Ивана Калиту, которого тогда не было в Москве, призвал к себе Протасия, мужа честного и верного. «И рече ему: “Чадо, се аз отхожу житиа сего. Оставляю же сыну своему възлюбленному Ивану милость, миръ и благословение от Бога и семени его до века”»¹⁹. В этом контексте «милость» означает пожелание всех благ или же что-то близкое по смыслу.

Таким образом, слово «милость» имело разные значения в древнерусском языке. Весьма рискованно закреплять за ним только одно значение, как это сделал М.Н. Тихомиров, притом такое, которого оно не имело, во всяком случае, в источниках не отразившееся.

М.Н. Тихомиров не использовал всех источников, в которых есть упоминания о «милостниках». Он обошел вниманием Летописец Переяславля Суздальского, Софийскую первую летопись, Ермолинскую летопись и Московский летописный свод 1479 г., а также литовские летописи и Никаноровскую летопись. Именно поэтому он не обратил внимания, что «милостники» — это термин вовсе не

¹⁷ ПСРЛ. Т. 5. Софийская первая летопись. Вып. 1. Л., 1925. С. 163–164.

¹⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 338–339.

¹⁹ Житие митрополита Петра // Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 212.

только XII в. Он встречался уже в X в. и окончательно ушел в прошлое в XIII в. Поэтому говорить о «милостниках XII в.», как это делал М.Н. Тихомиров²⁰, неверно.

Термины «милостники» и «дворяне» в летописях никогда не заменяют друг друга. Дворяне упоминаются начиная с XII в.: в Лаврентьевской летописи под 1175 г.²¹, в Никаноровской летописи под 1195 г. — «дворные люди»²², в Московском летописном своде конца XV в. под 1211 г.²³, дважды — в договорной грамоте Новгорода Великого с великим князем Ярославом Ярославичем тверским от 1270 г.²⁴, в Типографской летописи под 1347 г.²⁵ и под 1378 г. — «люди дворные»²⁶, в Сокращенном летописном своде 1493 г. под 1433, 1434, 1435, 1462 и 1469 гг.²⁷; в том же своде под 1468 г. упомянут «дворъ князя великого»²⁸; в Псковской второй летописи под 1484 г.²⁹; в Псковской третьей летописи под 1477 г. упомянуты «княжедворцы»³⁰.

Таким образом, если упоминания о «милостниках» в русских летописях приходятся на X и XII вв., то «дворяне» начинают фигурировать в них с XII в. Большинство же упоминаний о дворянах относятся к XV в.

Об условном землевладении на Руси впервые сказано в духовной грамоте Ивана Калиты 1339 г.: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Воръкову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимъ, не иметь ли служити детемъ моимъ, село отоимут»³¹. Однако до XV в. условное землевладение не было распространено на Руси, только со второй половины этого столетия упоминания о нем в источниках стали частыми³², и это объ-

²⁰ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 239.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897. С. 351.

²² ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962. С. 36–37.

²³ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 108.

²⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 12–13.

²⁵ ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921. С. 119.

²⁶ Там же. С. 139.

²⁷ ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. С. 270, 271, 275, 277.

²⁸ Там же. С. 276.

²⁹ Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. С. 64.

³⁰ Там же. С. 204.

³¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 10.

³² Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 195–197.

ясняет, почему большинство упоминаний о дворянах в летописях приходится на XV в.

Летописи не содержат никаких указаний на то, чтобы «милостники» владели земельными участками. Коней и оружие они получали от князя: убийцы Андрея Боголюбского, его «милостники», после убийства князя «идоша на сени, и выимаша золото и каменье дорогое, и жемчюгъ, и всяко узорочье, и до всего любимаго имения, и въскладше на милостьные коне, послаша до света прочь; а сами въземше на ся оружья княже милостьное, почаша совокупити дружину къ себе»³³. Из этого видим, что кони и оружие не принадлежали «милостникам», последние могли только пользоваться ими. Представляется, что милостники находились на полном обеспечении князя, что подтверждается словами умирающего Андрея Боголюбского, обращенными к своим убийцам: «Горе вамъ, окааньнии и нечестивии... Что створих вы зло, да кровь мою пролиясте на землю, Богъ отомъститъ вы мои хлебъ»³⁴.

Таким образом, условий для появления дворян-землевладельцев в XII в. не было, условное землевладение появилось на Руси только в XIV в., а распространение получило в XV в. «Милостники» не могли быть дворянами-землевладельцами.

Дворяне — это изначально слуги князя, жившие при его *дворе*. Выше отмечено, что термин «дворяне» встречается в летописях с последней четверти XII в. Но в Ипатьевской летописи уже под 1171 г. можно прочесть об «Олексе дворьском»: в том году войско Мстислава Андреевича, сына Андрея Боголюбского, взяло Киев и разграбило его. Князь киевский Мстислав Изяславич бежал из Киева в Василев, но на пути его постигла «Бастеева чадь, начаша стреляти въ плечи ему, и много изоимаша дружины около его: яша Дмитра Хороброго и Олексу дворьского...»³⁵. Замечаем, что Олекса дворский входил в состав дружины киевского князя, т.е. *дворяне* — это часть дружинников князя, живших при его дворе.

В летописи нет упоминаний о «милостниках» галицких князей. Однако начиная с XIII в. в ней часто упоминаются их «дворские»: «дворечкий» Андрей, которого князь Даниил в 1241 г. послал брать Перемышль³⁶; тот же, по всей видимости, «дворьский Ондрей» воевал по поручению князя в 1245 г. в Польше, по р. Сану³⁷; в 1247 г.

³³ Летопись по Ипатскому списку. С. 400.

³⁴ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. С. 84.

³⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 372.

³⁶ Там же. С. 527.

³⁷ Там же. С. 529.

другой «дворянский Яковъ» воевал вместе со своим князем Даниилом против литовцев в Пинской волости³⁸. Замечаем, что «дворские» — это всегда военные люди, часть княжеской дружины. При этом они ни разу не названы «милостниками».

Таким образом, термины «милостники» и «дворяне» («дворские») летописец всегда употреблял обдуманно, никогда не смешивал их. Нам ясен термин «дворяне» («дворские»). Достоверно только в XIV в. они стали землевладельцами. Но «милостники» — это не дворяне и не землевладельцы. Это отдельная категория княжеских слуг. Чтобы понять, что это за категория и какими отношениями она была связана с князем, обратимся к летописным известиям, начиная с самых ранних.

Первое упоминание о «милостниках» встречается в Ипатьевской летописи и Летописце Переяславля Суздальского под 970 г.: «В се же время придоша людие Новъгородьстии, просяще князя себе... И рече к нимъ Святославъ: “абы кто к вамъ шелъ”. И отъпреся Ярополкъ и Олгъ; и рече Добрыня: “Просите Володимира”. Володимиръ бо бе отъ Малуши, милостьнице Ольжины; сестра же бе Добрыня, отецъ же има Малъко Любчанинъ, и бе Добрыня уй Володимиру»³⁹.

Замечаем, что Малуша — «милостьница Ольжина», т.е., княгини Ольги. Говоря об этом, летописец подробно остановился на родственных связях как самой Малуши, так и ее брата Добрыни. Исходя из того, что Добрыня — уй (дядя по матери) Владимиру, а Малуша — сестра Добрыни, Малуша — это мать князя Владимира. Отцу Владимира, Святославу, Малуша приходилась, скорее всего, наложницей.

В Лаврентьевской летописи Малуша названа не «милостницей», а ключницей Ольги⁴⁰, что указывает на ее несвободный статус, близкий к рабскому. При этом брат Малуши, Добрыня, — не только свободный человек, но и видный государственный деятель при князе Владимире, его посадник в Новгороде и крупный воевода⁴¹. Как же объяснить такое противоречие? Неужели представители одной семьи одновременно могли находиться на совершенно разных ступенях социальной лестницы? Попробуем ответить на этот вопрос, используя достижения структурной антропологии.

³⁸ Там же. С. 530.

³⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 45; ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского. С. 20.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. С. 68

⁴¹ Там же. С. 78.

Прежде всего, поставим вопрос: почему летописец особо отметил, что дядей Владимира по материнской линии был Добрыня? Почему промолчал о его дядьях по отцовской линии? Ведь упоминание об отцовской линии родства Владимира — более подходящее для династических описаний.

Представляется, однако, что не династические интересы руководили его пером. Даже не узко-родственные — в своем известии он отразил древние *родовые* представления родства и свойства.

Основатель направления структурной антропологии французский антрополог К. Леви-Строс обратил внимание на отношения, которые связывали племянника и дядю по материнской линии в туземных обществах Кавказа и Новой Гвинеи. У кавказских черкесов «дядя с материнской стороны помогает своему племяннику и дарит ему в день его женитьбы коня»⁴². Немного другие отношения между племянником и его дядей по материнской линии наблюдаем у туземцев с о. Кутубу в Новой Гвинеи: «Наилучшим образом их можно определить словом “уважение... с оттенком страха”, потому что дядя с материнской стороны имеет право проклясть своего племянника и навлечь на него тяжелую болезнь». Поэтому племянник испытывает «некоторый страх перед своим дядей по материнской линии и подчиняется ему больше, чем отцу»⁴³.

То же видим в некоторых легендах осетинского народа. В легенде о св. Георгии говорится, что «где-то в поле работали три брата. Подходит к ним Уастырджи в виде старика и говорит, чтобы каждый из них пожелал что-нибудь и его пожелание исполнится. Старший брат пожелал, чтоб у него был всегда отличный урожай всех посевов, второй — чтоб у него размножились стада, а младший, не зная что пожелать, сказал, что пойдет посоветоваться с братом своей матери. Тот научил его пожелать хорошую жену и хозяйку»⁴⁴. Здесь племянник проявил уважение и почтение к своему дяде по материнской линии, обратившись к нему за советом.

Из этого видим, что древние родовые представления отводили большую роль дяде по материнской линии в отношениях с племянником. Добрыня действовал исходя из этих представлений. Он знал, что Владимир, которому он приходился уем (дядей по материнской линии), будет во всем послушен ему — в силу родового права и страха, вытекающего из этого права. Дальнейшие события подтвердили

⁴² Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2008. С. 54.

⁴³ Там же. С. 56.

⁴⁴ Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты, исследования. М., 2008. С. 231.

это: Добрыня всегда был правой рукой Владимира, его посадником в Новгороде, воеводой и советником.

Отец Добрыни и Малуши — Малко Любчанин, и это указывает, что он был родом из Любеча, из земли северян. Однако его дети оказались в Киевской земле. Мы не знаем, как это произошло и с чем было связано, но, будучи оторванными от своего родового гнезда, дети Малко Любчанина нуждались в защите. Таковой защитой им могло стать покровительство свойственников.

Княгиня Ольга дожила до глубокой старости и скончалась в 969 г. Среди ее внуков летопись под 968 г. назвала Ярополка, Олега и Владимира⁴⁵. После рождения княжича Владимира Малуша и ее брат Добрыня стали свойственниками княгине Ольге. При этом Добрыня, будучи уем Владимиру, в силу древнего родового представления сразу же занял видное место при нем. Малуша не могла рассчитывать занять подобное же место, но как прямая родственница Владимиру и свойственница Ольге вполне могла рассчитывать на покровительственную защиту последней. Такая защита в древних обществах выражалась через институт патроната.

«Потребность в таком учреждении, — заметил Л.Г. Морган, — возникла в силу наличия класса лиц, не принадлежавших к родам; это учреждение должно было дать им охрану личности и имущества»⁴⁶.

Отношения свойства обязывали княгиню Ольгу обеспечить Малуше защиту, взять ее под свое покровительство. Ольга и сделала это — Малуша стала ее «милостницей». «Милость» Ольги состояла в том, что она обеспечила своей свойственнице покровительство и защиту. Таким образом, отношения Ольги и Малуши можно определить как отношения патрона и клиента. Они сложились в силу того, что Малуша была свойственницей Ольге и не имела никакой другой защиты, какой могла быть в те времена только защита *рода*.

Следующее по времени упоминание о «милостниках» встречается в летописи под 980 г. Там говорится о Блуде — «милостнике» и воеводе Ярополка⁴⁷. Его роль в событиях 980 г. состояла в том, что он предал своего князя и перешел на сторону Владимира. Летописец, рассказывая об этом, порицал Блуда такими словами: «О злая лесьть человеческа! Якоже Давыдъ глаголетъ: ядый хлебъ мой възвеличилъ есть на мя лесьть. ...то суть неистовии, иже приемше отъ князя или отъ господина своего честь ли дары, ти мыслять о главе князя своего на пагубленье, горьше суть бесовъ таковии: якоже Блудъ преда

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 64.

⁴⁶ Морган Л.Г. Древнее общество. М., 2012. С. 186.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского. С. 21.

князя своего, и приимъ отъ него чѣти многи, се бо бысть повинень крови той»⁴⁸.

В Летописце Переяславля Суздальского такого длинного назидательного отступления нет. Вместо него читаем краткие слова: «И забы Блуд хлеба Ярополча, посылаше таи къ Володимиру...»⁴⁹.

Ярополк во время событий 980 г. во всем слушал Блуда: посоветовал ему Блуд «не излазити на брань (с Владимиром. — З.И.) из града» Киева, так и сделал Ярополк; посоветовал ему Блуд бежать из Киева в Родню, так и сделал Ярополк; посоветовал ему Блуд сдаться Владимиру, так и сделал Ярополк. Последнее описывается в летописи таким образом: «И рече Блуд Ярополку: “Поиди къ брату и рци ему: что ми ни вдаси, азъ прииму”. И иде. Рече же ему некто Варяжко: “Не ходи, княже, убюють тя”. Рече Блудъ: “То ты милостникъ у князя”. И рече Варяжко: “Всякъ милостникъ подобень есть змии запазушней. А ты побегни, княже, в Печенеги и приведи воя”»⁵⁰.

Из этого видим, что Блуд был главным воеводой у Ярополка и его советником. Он советовал князю, как поступить в трудной ситуации, и князь во всем слушал его. Но почему? Почему Ярополк исполнял все советы Блуда, даже не ставя их под сомнение? Не указывает ли это на какие-то особенные отношения свойства между ними, какие были, например, между Владимиром и Добрыней? Подтверждение этому находим в Ермолинской летописи, где Блуд назван «дядькою» Ярополка⁵¹. В той же Ермолинской летописи сказано, что Блуд «повелеваше Ярополку лестию ити ко Владимиру»⁵². Обычный воевода никак не может «повелевать» князю, наоборот, князь повелевает воеводе. Однако мы поймем взаимоотношения Ярополка и Блуда, если предположим, что в основе этих отношений лежали древние родовые представления — те представления, которые связывали князя Владимира и его воеводу Добрыню. В этом случае Блуд действительно имел большое влияние на своего князя и мог ему «повелевать».

Обратим внимание на слова Варяжки: «Всякъ милостник подобенъ есть змии запазушней». То есть Блуд был весьма близким, доверенным советником Ярополка, который ел его хлеб, принял от него «многo чти» (чести). Но честь в древних и средневековых обществах часто выражалась в родстве с тем, кто оказывал честь. Блуду эту

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 75.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского. С. 21.

⁵⁰ Там же. С. 21.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. С. 11.

⁵² Там же. С. 12.

честь оказал Ярополк. И это также указывает на то, что Блуд, возможно, являлся свойственником князя Ярополка. Исходя из этого, можно понять покровительство, оказываемое Ярополком Блуду, покровительство, в основе которого лежали либо отношения свойства, либо отношения патрона к своему клиенту, либо — те и другие вместе. Само имя Блуда — нарицательное, это человек блуждающий, оторванный от своего рода, и потому нуждающийся в покровительстве патрона.

Блуд предал своего патрона, князя Ярополка, но только потому, что таким способом надеялся приобрести нового — князя Владимира. Владимир, посылая к Блуду, говорил ему: «поприяй ми; аще убью брата своего, имети тя хочю во отца место, и многу честь возьмешь отъ мене»⁵³.

Следующее упоминание о «милостниках» относится к 1137 г. и встречается только в Новгородской первой летописи старшего извода. В тот год новгородцы изгнали своего князя Всеволода Мстиславича (1127–1137). «Въ то же лето приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова... Въ то же лето стрелиша князя (Святослава. — З.И.) милостьници Всеволожи, нъ живъ бысть»⁵⁴.

Из летописного известия выясняется, что Всеволод Мстиславич не смирился со своим изгнанием из Новгорода в 1137 г, т.к. его «милостники» в том же году сделали попытку убить его преемника-конкурента — князя Святослава Ольговича. Это похоже на месть. Родовая месть — это месть не только за убийство кровного родственника, но также и за обиды, нанесенные ему⁵⁵.

Но ведь мстить за своего родственника могли только его родичи, из чего следует, что «милостники» князя Всеволода были связаны с ним отношениями либо родства, либо, что вероятнее, свойства.

В 1175 г. был убит Андрей Юрьевич Боголюбский. Его убийцы — Яким Кучкович, «слуга възлюбленыи» князя, Петр, зять Кучки, Анбал Ясин, ключник у князя, Ефрем Моизович. Всего — 20 «окаянных убийц». Все они «милостивници у князя»⁵⁶ или «свои милостивници были»⁵⁷.

Известно, что Андрей Боголюбский первым браком был женат на дочери боярина Стефана Ивановича Кучки — первого владельца

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 75.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 24.

⁵⁵ Морган Л.Г. Указ. соч. С. 46–47.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. С. 83–84.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 223; Т. 5. Софийская первая летопись. С. 174.

Москвы, казненного Юрием Долгоруким. Сын Кучки, Яким Кучкович, приходился, таким образом, шурином Боголюбскому, был братом его жены Улиты. Свойственник Якима — Петр, зять Кучки.

Помимо Кучковичей к заговору примкнули еще двое. Анбал Ясин, имя которого ясно указывает на его происхождение, был родом осетин, выходцем с Кавказа. Несмотря на это, Анбал «ключь держашеть у всего дому княжа», и князь «надо всеми волю ему даль»⁵⁸. Ефрем Моизович — скорее всего, еврей. Впрочем, в новейшем исследовании национальная принадлежность и Анбала и Ефрема пересмотрена, и утверждается, что оба они были выходцами из Волжской Булгарии⁵⁹, что весьма вероятно, по нашему мнению.

Таким образом, убийц князя Андрея можно разделить на две группы: его свойственников, Кучковичей, с одной стороны, и выходцев из дальних краев — с другой. Все вместе они — «милостники у князя». Что же объединяло их всех?

Кучковичи нуждались в защите и покровительстве, т.к. глава их рода, боярин Кучка, лишился всего и был убит Юрием Долгоруким. А где же было искать им защиты, как не у Андрея Боголюбского — супруга их родственницы Улиты Кучковны? Выходцы же из дальних стран совсем не имели никаких корней на Руси и тем более искали защиты и покровительства у князя.

Отношения Андрея Боголюбского и его убийц, таким образом, вполне укладываются в отношения патроната и клиентства. «Милостники» — это клиенты своего князя, которые зависели от него в личном отношении. Здесь можно вспомнить и слова Варяжки, обращенные к Блуду: «Всякъ милостник подобеньъ есть змии запазушнеи».

В этом свете, как верно заметил А.А. Горский, сословное положение милостников могло быть самым разным — будь то бояре Кучковичи, или же ключник (раб) Анбал Ясин. Это были люди, лишенные обычной родовой защиты, оторванные от своего рода и, в силу этого, искавшие защиту у своего патрона. Без этой защиты их положение становилось шатким, и знатность (правда, и до того сильно пошатнувшаяся) не помогала им. Интересно отметить, что убийцы Андрея Боголюбского изображены на миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. На первой миниатюре они только замышляют убийство и изображены в длинных одеяниях, как и подобает знатным особам⁶⁰.

⁵⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 401.

⁵⁹ Гиттиус А.А., Михеев С.М. «Убийцы великого князя Андрея»: надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // *Slovene*. 2020. Vol. 9. № 2. С. 80–81, 82.

⁶⁰ Лицевой летописный свод XVI в. Кн. 3. 1174–1204. М., 2009. С. 20.

Князь еще жив, он охраняет жизнь и положение в обществе своих клиентов-«милостников». Им ничто не угрожает. Но вот «милостники» идут убивать своего князя-патрона. Изображению убийства посвящены 10 миниатюр, и на всех них убийцы князя изображены в коротких одеждах⁶¹, что ясно указывает на их незнатное положение. Смерть князя лишила их защиты, как и высокого общественного положения. В дальнейшем (из летописи Красинского) мы увидим, что смерть князя-патрона в Литве повлекла за собою и смерть его «милостника».

Боголюбский окружил себя чужими людьми — чужими, значит не из своего рода: Кучковичами, а также выходцами из дальних краев. Наоборот, своих родичей-братьев он изгнал из Северо-Восточной Руси⁶². Его сын Мстислав, удачный полководец, скончался в 1173 г.⁶³. Андрей Боголюбский накануне своей смерти оказался в очень невыгодном с точки зрения родового права положении: он был окружен *кровными* врагами. Кучковичи не могли забыть, что отец Боголюбского Юрий Долгорукий казнил их отца. Также мы не знаем, каковы были отношения князя накануне его смерти с его первой женой — Улитой Кучковной. Наконец, во главе заговора встал Яким Кучкович, который «слыша отъ некого, аже брата его князь велеть казнить... и тече вопия къ братье своей...»⁶⁴. Учитывая эти обстоятельства, нельзя исключать, что убийство князя Андрея Боголюбского было *родовой мстью* Кучковичей. В этом свете родовое право кровной мести пересилило связи и отношения патроната и клиентства: клиенты убили своего патрона, т.к. он был их кровным врагом.

Следующее по времени летописное упоминание «милостников» относится к 1180 г. Под этим годом в Ипатьевской летописи назван некий Кочкаръ, «милостник» киевского князя Святослава Всеволодовича. Летописец повествует: «В то же время ходяшетъ Давыдъ Ростиславичъ по Днепру в лодьяхъ, ловы дея, а Святославъ ходяшетъ по Черниговьской стороне, ловы дея, противу Давыдови: и тогда Святославъ сдумавъ с княгинею своею и с Кочкаремъ, милостьникомъ своимъ, и не поведе сего мужемъ своимъ лучшимъ думы своея. И абье устремився Святославъ на рать про Глеба, сына своего, и не удержався отъ ярости, переступя крестъ...»⁶⁵. С.М. Соловьев отметил, что, по всей

⁶¹ Там же. С. 20–30.

⁶² Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 88.

⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 346.

⁶⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 397–398.

⁶⁵ Там же. С. 416.

вероятности, Кочкарь был приведен Святославом из Чернигова⁶⁶. Также заметим, что Кочкарь входил в узкий круг советников князя *наряду* с его княгиней, т.е. родственницей, — не говорит ли это о том, что Кочкаря тоже связывали с князем узы свойства?

Итак, в «милостнике» Кочкаре замечаем все те же черты, что и в других, уже известных нам «милостниках»: это оторванность от своего родового гнезда (Кочкарь приведен князем из Чернигова в Киев), особое доверие князя к своему «милостнику», возможность уз свойства между ними.

В литовской летописи Красинского встречаем известие из литовской истории XIII в., в котором также есть упоминание о «милостнике»: «...великий князь Швинторог и умре. И сын его Кгирмонт зостал по отци своем на великом княжении Литовском и Жомойтском, Руском. И подлуг приказанья отца своего на том местци, на устьи реки Вилни, где у Велю упадываеть, вчинил жгылицо, и там тело отца своего, и коня его, на котором ежчивал, и шату его, которую ношивал, и милосника его, на которого он ласков был, и сокола, и хорта его сожог»⁶⁷.

Это известие подтверждает зависимое положение «милостника», его близость к рабскому состоянию. «Милостник» связывается исключительно с личностью князя, без защиты и покровительства которого он оказывается лишенным даже своей жизни. Подчеркнем, что обычай сжигать вместе с почившим князем его родственников — древний. Он указывает на то, что «милостник», сожженный вместе с литовским князем, мог быть его свойственником.

Приведем еще аргумент в пользу того, что «милостники» нередко были связаны с князем узами свойства. В 1252 г. литовский князь Миндовг изгнал от себя своих племянников — Товтивила и Едивиду. Племянники бежали к галицкому князю Даниилу. Миндовг узнал об этом и прислал к Даниилу послов: «Не чини има милости», — требовал литовский князь. Но Даниил не послушал Миндовга, потому что сестра изгнанных Товтивила и Едивиды была замужем за Даниилом: «зане сестра бе ею (их. — *З.И.*) за Даниилом»⁶⁸.

Таким образом, Даниил принял литовских изгнанников, оказал им «милость» по той причине, что они приходились ему свойственниками — были родными братьями его жены. Конечно, мы видели,

⁶⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 609.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 35. Летописи Белорусско-Литовские. С. 131–132; то же — в Познанской летописи. См.: ПСРЛ. Т. 32. Хроники Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М., 1975. С. 134.

⁶⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 541.

что не всегда «милостники» были связаны с князем узами свойства. При этом они всегда были людьми пришлыми, нуждавшимися в княжеской протекции. Судьба изгнанных литовских князьков вполне подтверждает это.

В 1254 г. князь Даниил пошел войной в чешские земли. Ставши станом на границе польских и чешских земель, на реке Одере, возле городка Козле, он послал вперед «Тевтивила и Едивида, и дворьского, и все вое, самъ же оста в мале со старыми бояры»⁶⁹. Здесь мы видим и литовских князьков Товтивила и Едивида — возможных княжеских «милостников», и дворского, и старых бояр. Это всё — категории служивших князю людей. Летописец не смешивал эти категории, т.к. хорошо понимал различия между ними.

Итак, можно утверждать, что «милостники» — это зависимая категория населения Древней Руси, разными жизненными обстоятельствами оторванная от своего рода, а потому нуждавшаяся в защите и покровительстве князя. «Милостники» могли быть связаны с князем узами свойства, но это не меняло их зависимого положения, а только обязывало князя взять их под свою защиту. Отношения между князем и «милостниками» можно охарактеризовать как отношения патрона и клиентов. То были отношения лично-служебные, отличавшиеся от тех, которые установились позднее, в XII в., между князем и дворянами — служебно-деловых. Из этого видим, что «милостники» — это не предшественники дворян, а социальная категория своего времени, корнями уходящая в древний родовой строй общества.

Список литературы

Гиппиус А.А., Михеев С.М. «Убийцы великого князя Андрея»: надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // *Slovene. Словъне.* 2020. Vol. 9. № 2. С. 53–102.

Горский А.А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. М.: Издательство Олега Абышко, 2019. 416 с.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 349 с.

Левин-Строс К. Структурная антропология. М.: Академический Проект, 2008. 555 с.

Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты, исследования. М.: Наука, 2008. 997 с.

Морган Л.Г. Древнее общество. М.: Либроком, 2012. 360 с.

Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1947. 344 с.

⁶⁹ Там же. С. 545.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. 797 с.

Стефанович П.С. Об убийцах Андрея Боголюбского в свете новых данных // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва). М.: Индрик, 2019. С. 190–191.

Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. 429 с.

Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII вв. Народные движения, княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2014. 1222 с.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.

Поступила в редакцию
12 марта 2022 г.